

НИКУЛЕСКУ Р. И.

ОТ БЕЗВИДОВОГО ЯЗЫКА К ВИДОВОМУ

Известно, что развитие категории глагольного вида в истории русского языка сопровождалось «разрушением старой временной системы» [1], изменениями в системе наклонений, в системе сказуемых и т. д. Можно предположить, что виды в эволюции русского языка оказались той архимедовой «точкой опоры», которая «перевернула» всю его глагольную систему, вызвала цепную реакцию взаимосвязанных морфологических и синтаксических процессов, привела эту систему к качественно новому состоянию, отличающему ее не только от древнерусского состояния, но и, во многих отношениях, от состояния глагольной системы ряда европейских языков (французского, немецкого и английского). Даже при наличии определенных видовых оппозиций в упомянутых языках (виды английского глагола, тенденция к оформлению предельного действия у немецкого глагола) можно утверждать, что виды в русском языке являются категорией, получившей максимальное — для данного этапа эволюции перечисленных языков — формальное и смысловое обобщение: видовые оттенки, рассредоточенные в других языках между временами глагола, лексическим значением отдельных глаголов, типом сказуемого, обстоятельственными словами и контекстом вообще, оказались в русском языке собранными воедино, сосредоточенными в одной категории.

Представим суммарно конкретные изменения в глагольной системе русского языка, завершавшиеся параллельно с оформлением видов.

(1) Максимально для современного этапа языкового развития сократилось число глагольных времен, в том числе сложных. Исчезли давнопрошедшее время (плюсквамперфект), аорист (простой перфект), имперфект, настоящее и прошедшее времена сослагательного наклонения (в большинстве случаев функционирующие в упомянутых трех европейских языках). Одновременно получило оформление абсолютное прошедшее время и связанное с ним по образованию атемпоральное сослагательное наклонение. В других языках лишь в современную эпоху обозначились или намечаются тенденции (в основном, в устной речи) к сокращению числа времен, их обобщению. Общеизвестно наличие прямой связи между оформлением видов и преобразованием времен: виды вобрали в себя многие оттенки исчезнувших времен. Процесс «перегонки» смысловых значений из временной системы в видовую по всей видимости еще не получил завершения: в современном русском языке еще можно вскрыть затупеванные эволюцией сложные взаимоотношения между временами и видами.

(2) Исчезли спрягаемые формы повелительного наклонения (соотносимые по выражавшимся ими оттенкам с функционирующим в упомянутых трех языках конъюнктивом или субъюнктивом). Исчез супин (достигательное наклонение).

(3) Произошло фронтальное сокращение спрягаемых глагольных форм. Глагол перестал спрягаться в прошедшем времени (в связи с исчезновением спрягавшегося вспомогательного глагола в составе бывшего древнерусского перфекта), а вследствие этого — и в сослагательном наклонении. В результате русский язык «освободился» от огромного числа окончаний. Фактически всю глагольную систему в русском языке «обслуживают» ныне всего два типа спряжения: две парадигмы используются и для настоящего времени, и для будущего простого (эти времена различа-

ются не спряжением, а видами), а парадигма I спряжения используется и для вспомогательного глагола *быть* в будущем сложном времени (единственном сложном времени русского глагола). К этому следует добавить почти полный охват всех глаголов двумя типами спряжения; исключения (разноспрягаемые глаголы или глаголы особого спряжения) в русском языке составляют единицы (ср. со списками глаголов архаического спряжения в других языках). Следует отметить также, что в устной речи — в связи с преобладанием безударных окончаний — эти два спряжения сводятся, в сущности, к одному типу (*читаешь — стрбишь, читают — стрбят*), а глаголы с различающимися на слух (ударными) окончаниями уже могут быть отнесены к группе исключений. Такого рода унификация спряжения в устной речи наблюдается и во французском языке. В отношении упрощения спряжения лишь английский язык с его почти неспрягаемым глаголом опередил русский в своей эволюции (что скорее всего объясняется воздействием факторов, вызвавших коренное преобразование именной системы этого языка, чем развитием видовой системы, которое кажется замедленным, если учесть сосуществующую одновременно с видами в этом языке разветвленную систему времен). Нельзя не отметить также упрощения спряжения возвратного глагола в русском языке, вернее, упразднения склонения возвратного местоимения, превратившегося в неизменяемую глагольную частицу, или же отсутствия каких-либо различий в глагольных формах с отрицанием и без него.

(4) Произошло упрощение и упорядочение системы сказуемых. Появилось большое число семантически емких однословных сказуемых: а) за счет видов (*Я давал ему книгу; Гостей встречали представители различных организаций; Окно уже открывали; Он приходил к нам; Я уезжал; Он умирал*); б) за счет исчезновения спрягаемых форм настоящего времени глагола-связки *быть* (*Алюминий — металл; Она хороша; Дом построен в XVII в.; Волга длиннее Днепра; Нас трое; Ее нет; Установлено, что...*); в) за счет инфинитива, развивающего способность заменять спрягаемые формы и сложные сказуемые (*Мне начинать? Что делать? Как объяснить это? Если применить...; Молчать!; Поехать бы в горы; Этой книги уже не найти*) и др. В большинстве случаев в сопоставляемых с русским трех языках эти сказуемые нельзя передать с той же экономией языковых средств. Из способов выражения сказуемого было исключено деепричастие; вообще произошло четкое разграничение синтаксических функций деепричастий и причастий (ср., например, с герундием английского языка).

Если в сокращении числа времен и наклонений или в падении роли флективности в глагольной системе нетрудно усмотреть связь с развитием видов, то различные синтаксические явления требуют тщательного выявления обусловивших их факторов или комбинации последних. К сожалению, вопрос об исторической взаимосвязанности морфологических и синтаксических процессов в русском языке недостаточно проанализирован. Пока что трудно объяснить, чем вызваны те или иные синтаксические построения — состоянием глагольной или именной систем языка (ср., например, сохранение и развитие в русском языке большого разнообразия сжатых бесподлежащих предложений). Кстати, переводческая практика говорит о наличии разительного сходства в синтаксических построениях даже у неродственных языков, утративших флективность в именной системе.

Перечисленные выше изменения свидетельствуют о том, что виды в истории русского языка явились прогрессивной языковой категорией: на смену громоздкой древнерусской глагольной системе приходит новая система, основным показателем которой становится наличие двух видов у каждого глагола, система функционально и семантически емкая, потребовавшая возникновения экономных (однословных) и простых (с точки зрения флективности) форм. Причем в результате перехода древнерусской глагольной системы в современную двувидовую была достигнута не только экономия грамматических средств, не только более высокая степень обобщенности в подходе к глагольному действию, но прежде всего

открылись широкие выразительные возможности самого глагола — так называемые «частные реализации видового потенциала» [2]. Так, используя видовые различия, в русском языке можно немногословно, лишь через глагол, без поддержки его обстоятельственными словами, выразить большое число смысловых оппозиций: действие вообще (совершаемое всегда, обычно) и действие конкретное; действие, обозначающее вид занятия, и действие, обозначающее достижение определенной цели; действие в его разворачивании и действие в его результате; действие-приказ и действие-просьбу; действие, обязывающее и не обязывающее говорящего к выполнению, и т. п. Виды привносят в речь оттенки вежливости и резкости, привносят даже юмор. В любом случае эта категория страноведчески своеобразна, колоритна (отметим мимоходом, что это редко учитывается составителями учебников для иностранцев, увлекающимися сугубо формальной подачей этой категории).

Как же смог произойти в языке этот сдвиг? Каким образом стала возможной эта своего рода «реформанса»? Какие условия способствовали развитию видов? В качестве одного из таких «условий» исследователи обычно приводят опыт имперфектного и перфектного использования времен (в котором уже наличествовала видовая оппозиция). Однако, на наш взгляд, первым шагом к новой, двувидовой, концепции глагольного действия было «осознание» наличия видового оттенка почти у каждого глагола.

При зарождении двувидовой системы отправной точкой служило то состояние, в котором примерно пребывают современные безвидовые языки, а в этих языках (в частности, романских) исследователями отмечается наличие аспектуального оттенка у большинства глаголов (в особенности оттенка длительности действия). Глаголы в безвидовых языках скорее можно назвать не безвидовыми, а одновидовыми. Таким образом, в большинстве глаголов уже был заложен вид, но лишь один, определяемый природой действия.

С точки зрения русских видовых оттенков одновидовые глаголы современных безвидовых языков (как показывает материал румынского) делятся на три группы, совпадающие с тремя категориями оттенков, выделяемых у видов русского глагола. Самую многочисленную из них составляют глаголы «несовершенного вида» (НВ) — дуративные, обозначающие длительные по своей природе действия (эквиваленты современных русских глаголов *говорить, спать, молчать, жить, думать* и т. п.).

Обозначим выражаемое ими действие графическим символом .

Этим дуративным, процессуальным глаголам противостоит небольшая группа глаголов «совершенного вида» (СВ), обозначающих «короткие» по своей природе действия, т. е. быстрые, выполняемые с помощью одного движения, например, *взмаха руки* (ср. в русском языке глаголы *ударить, нажать, уронить* и т. п.). Обозначим их . В особую, третью

группу, выделяются глаголы СВ, заключающие в себе значение обязательной результативности (целостности) действия, исключающие делимость действия во времени (к ним относятся глаголы движения, возникновения — исчезновения и др.). Действие глаголов этой группы невозможно выполнить частично, как, например, действие глаголов первой группы (нельзя не до конца «уехать» или «умереть»). Обозначим их или

 .

Кроме того, в безвидовых (а, точнее, одновидовых) языках наличествуют глаголы, природа действия которых не поддается однозначному (одновидовому) толкованию. Это прежде всего глаголы, обозначающие не конкретно-осязательные, а более «абстрактные» действия и состояния (ср. в русском глагол *относиться*). Можно предположить, что видовой транс-

формации подверглись в первую очередь глаголы более конкретного действия (которые в далеком прошлом наверняка преобладали); глаголы же более абстрактного характера (создаваемые языком по мере накопления человеком опыта познания природы, самого себя, различных взаимосвязей, предполагающих уже философский подход к действительности) оформлялись в видовом отношении намного позднее. Примечательно, что в русском языке глаголы, не получившие двувидового оформления (типа *зависеть*, *принадлежать*), не только обозначают более абстрактные действия (состояния), но и позволяют двувидовое истолкование (зависимость, например в глаголе *зависеть*, может быть длительной и короткой, полной и неполной), т. е. в языке еще в период зарождения двувидовой системы уже, возможно, имелись отдельные образцы глаголов, совмещавших в себе оба вида.

Итак, предположим, что в период зарождения двувидовой системы глагольного действия основную массу глаголов составляли одновидовые глаголы. При этом каждый глагол воспринимался только в одном качестве (виде), диктуемом природой действия. Вид глагола, у которого ощущалась двоякая природа действия, уточнялся в контексте. И такое восприятие, основанное на природе действия, казалось (и кажется в современных безвидовых языках) совершенно естественным. Двувидовость глагола потребовала внешне «неестественного», даже «нелогичного»: длительные по природе действия оказались одновременно и короткими, короткие — длительными, а целостные, результативные — процессуальными, «безрезультативными». По-видимому, это как раз логический тупик, в который попадает сознание изучающего русский язык учащегося с родным безвидовым (одновидовым) языком.

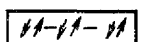
Как известно, кажущееся логически невозможным новое восприятие глагольного действия оказалось возможным благодаря нескольким произошедшим в языке процессам. И именно в этих процессах мы усматриваем «реформансе» языкового мышления, сопоставимую в определенном смысле с теорией Эйнштейна, преодолевшей механистическое толкование природы Ньютоном (при одном лишь отличии, что подобную «революцию» в языке осуществило не индивидуальное мышление одного ученого, а коллективное мышление народа, пользующегося одним и тем же языком и развивающего, шлифующего этот язык).

При «укорочении» действия процессуальных (дуративных) глаголов первой группы происходило прежде всего о г р а н и ч е н и е д е й с т в и я в о в р е м е н и, по всей вероятности, с помощью приставки *по-*, затем подобную же функцию, видимо, стали выполнять и другие приставки (в частности, *про-*), придававшие глаголам дополнительные семантические оттенки — быстроты и завершенности действия. Обозначим графически этот переход $\boxed{---} \rightarrow \boxed{-/}$. В этом случае видовая пара об-

разовывалась в направлении от НВ к СВ. «Продление» короткого по природе действия глаголов второй группы строилось на основе не о г р а н и ч е н н о г о п о в т о р е н и я о д н о г о и т о г о ж е д в и ж е н и я (от *ударить* к *ударять*, от СВ к НВ); при этом исходному глаголу СВ (по природе «точечному», т. е. содержащему в себе возможность повторяющегося действия) не «позволялось» отныне более одного движения («удара»). Графически этот переход можно представить в виде $\boxed{./} \rightarrow \boxed{.....}$. Наконец, значение «безрезультативно-

сти» результативных, целостных глаголов возникало за счет «п р о д л е н и я» действия путем его п о в т о р е н и я, но каждый раз совершаемого «туда и обратно», т. е. новообразованные глаголы должны были сочетать в себе два противоположных по направлению действия (*уезжать* = *уехать* + *приехать*; *давать* = *дать* + *взять* и т. д.), в результате чего действие оказывалось невыполняемым, «недействительным» в момент речи. И в этом случае переход происходил от СВ к

НВ (от *уехать* к *уезжать*). Графически этот переход можно представить

в виде → или → . Лишь дей-

ствием трех указанных процессов можно объяснить преобладание того или иного оттенка в видовых парах современного русского языка. В непонимании этих трех процессов и их результатов и коренятся, на наш взгляд, основные ошибки учащихся-иностранцев: «мысли» глаголами родного языка, они не ждут «подвоха» (непривычного эффекта) от соответствующих глаголов в русском языке — того, что длительные действия могут производить эффект быстро выполненного действия, короткие, «точечные» — бесконечно повторяющегося действия, а результативные — и повторяющегося и «не действительного» к моменту речи.

Эволюцию глагольной системы языка нельзя рассматривать, на наш взгляд, вне эволюции именной системы, во избежание одностороннего представления о языке в целом и неправомерного противопоставления языков. На преобразование глагольной системы в русском языке потребовалось несколько столетий, примерно столько, сколько понадобилось указанным европейским языкам на преобразование именной системы [3]. И если в отношении глагольной системы современное состояние английского, французского и немецкого языков является для русского языка давно пройденным этапом (за исключением феномена английского глагола — его неспрягаемости), то в отношении именной системы русский язык в своей эволюции проявил такой же «консерватизм», как данные языки в области глагола, сохранив до настоящего времени давно изжитые этими языками формы (максимально для данного этапа — английским, не совсем полностью — французским, неполно — немецким). Известно, что на протяжении эволюции обе системы во всех четырех рассматриваемых нами языках подвергались изменениям, «прорыв» же (качественный «скачок») в эволюции оказался возможным лишь в одной системе: в русском языке — в глагольной, в других языках — в именной. Остается открытым вопрос: почему в русском языке наиболее «податливой» оказалась глагольная система? Или: почему именная система русского языка так упорно «сопротивляется» радикальной трансформации (упразднению склонений?).

Факторы, способствовавшие разрушению системы склонений в других языках, известны. В отношении английского языка этими факторами явились: сокращение состава слова — переход к одночастной структуре слова, который осуществлялся за счет изменения долготы — краткости гласных; развитие артиклей, взявших на себя функции бывших именных окончаний; развитие предложно-именных конструкций, в которых предлоги не дублируют, а полностью берут на себя синтаксические функции окончаний; закрепление прямого порядка слов, требующего обязательного присутствия в предложении подлежащего (что вызвало появление формального подлежащего в безличных конструкциях). Можно отметить также развитие вводных слов и частотности их употребления (компенсирующих утраченные вместе с окончаниями четкие связи между предложениями — их «наизывание», как в русском языке): определенное построение сложного предложения, когда даже пунктуация в письменной речи получает дополнительную связеразличающую функцию. Именно взаимодействие всех этих факторов привело к качественно новому состоянию именной системы в данных языках.

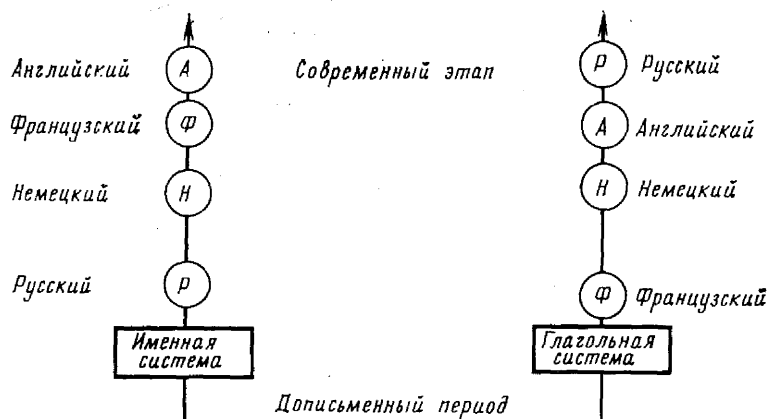
«Тормозом» изменения именной системы в русском языке была и остается, по всей видимости, четырехчастная структура слова: она не «позволила» развиваться появившимся было в языке артиклям, подобным артиклям болгарского языка, и она же послужила формальной основой для создания видовых пар (за счет префиксов, суффиксов и т. д.). «Пристрастие» к четырехчастной структуре слова или отказ от нее можно объяснить, вероятно, вслед за С. Аверинцевым [4], различными культурными традициями, в частности, эллинистическим (через византийскую культуру) или латинским влиянием с их неодинаковыми тенденциями — к услож-

ненному слову (эллинистическая тенденция) и «рационально» упрощенному слову (латинская тенденция).

В настоящее время исследователями русского языка отмечается усиление отдельных тенденций к разрушению его системы склонений [5]. Помимо приводимых ими факторов, отметим еще один, представляющийся нам наиболее симптоматичным: возрастающее значение ударения в словах; разделение слов, в особенности «длинных», надвое ударением, позволяющим провести произносительную границу в конце смысловой и начале формальной части слова (*увелич-ительный, историй-ческий, вспомо-гательный, применя-ющийся*); участвовавший разнотон ударения в словах с тенденцией к закреплению ударения в неустойчивых случаях на значимой (корневой) части слова; перенос ударения в заимствованных словах с окончания на значимую часть слова; усиление ударения в речи молодых поколений, порой «режущее слух», — все это говорит о том, что в языке на данном историческом этапе происходит постепенный процесс отделения формальной части слова, ставшей «обременительной», от его значимой части. Пока что сокращение слова хотя бы на одну часть (окончания) задерживается наличием относительно небольшого количества слов с ударными окончаниями; стоит произойти перемещению ударения на один слог, с финального на предфинальный, — в языке будут созданы фонетические условия для фронтальной редукции окончаний в именной системе (по крайней мере, в устной речи), что поможет, в свою очередь, и глагольной системе освободиться от последних окончаний. Кроме ударения, к числу тенденций, говорящих о том, что несклоняемость слов стала для русского языка «назревшей проблемой», следует отнести, на наш взгляд, участвовавшее употребление слов *этот, тот, такой, один, какой-либо, какой-нибудь* в той роли, в которой в других языках выступают определенные и неопределенные артикли. Немаловажную роль, с нашей точки зрения, сыграют в процессе освобождения от окончаний устанавливающиеся в настоящее время нормы научного стиля, все более проникающего в общелитературную речь: закрепление определенного порядка слов в словосочетаниях и в предложениях — позиция прилагательного (ср. заголовок технической инструкции: «Осциллограф светолучевой»), построение предложения по схеме «от темы к реме» (последняя тенденция является преобладающей в научном стиле международных языков). И, наконец, следует обратить внимание на намечающуюся тенденцию к постановке склоняемого слова в такое положение в предложении, при котором оно может выступить в своей начальной форме, что уже становится почти нормой при передаче, например, иностранных собственных имен, статистических данных, при перечислении, следующем после двоеточия, и т. д.

Наличие большого сходства в проявлении определенных тенденций при преобразовании глагольной или именной систем четырех сопоставляемых нами языков позволяет предположить, что грамматика данных языков следует в целом единой для всех четырех языков эволюции. Учитывая новые исторические условия, можно также предположить, что выравнивание состояния именной и глагольной систем этих языков произойдет гораздо быстрее, чем происходили подобные «реформансы» в прошлом.

Наглядное представление о переходном периоде, в котором пребывают в настоящее время сопоставляемые нами четыре языка, может дать приводимая ниже схема. Место каждого языка в эволюции именной системы определяется нами на основе трех критериев: степени уничтожения флективности (склоняемости), деграмматизации (несклоняемости) артиклей, переосмысления древнего грамматического рода. Место каждого языка в эволюции глагольной системы определяется также на основе трех критериев: степени развития видовой системы, степени упрощения системы времен, наклонений, сказуемых, степени уничтожения флективности (спрягаемости). По этой схеме можно приблизительно определить место и любого другого языка, не рассматриваемого нами в данной статье (так, болгарский язык в своей эволюции обеих систем близок английскому, румынский — французскому и т. д.). Имеющиеся между языками разрывы в эволюции помогают определить

степень трудности освоения грамматики одного из языков носителями другого языка. Так, наибольшая дистанция наблюдается между русским и французским языками, наименьшая — между русским и немецким языками. Наименьшие «крайности» в развитии обеих систем характеризуют немецкий язык. Наибольшие «крайности» в развитии одной из систем отличают русский и английский языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 292 и сл.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. М., 1976, с. 66, 74, 79, 108, 180.
4. Аверинцев С. Славянское слово и традиция эллинизма. — Вопросы литературы, 1976, № 11.
5. Акимова Г. Н. Новые явления в грамматическом строе современного русского языка. — ВЯ, 1980, № 5.